

Обычное подведение итогов не заняло много времени. В мире совершенствующихся изо дня в день всё шло своим чередом, и, если не считать принятия новых учеников на пики, никаких особых событий не происходило.

Как только присутствующие закончили разговор, они разошлись. Лишь Су Фэнъянь остался на месте, словно желая обсудить что-то наедине.

Нин Цзи с самого начала не удостоил их ни единым взглядом. Как и придя, он, выслушав всех, запахнул плащ из журавлиных перьев и медленно поднялся.

— Как Достопочтенный Меча обдумал тот вопрос, о котором я говорил в прошлый раз?

Су Фэнъянь прикусил губу и внезапно заговорил, когда тот уже собрался уходить.

В прошлый раз? Разумеется, речь шла о просьбе Су Фэнъяня дать ему лекарство.

Шаги Нин Цзи замедлились, и он, наконец, обернулся:

— Не стоит утруждать себя заботой, Божественный лекарь Су.

Тон его был холодным. Взгляд, брошенный на Су Фэнъяня, напоминал ледяную стужу, от которой сердце мгновенно уходило в пятки, словно человек оказывался посреди заснеженной пустыни.

Су Фэнъянь хотел было что-то добавить, но Нин Цзи, лишь мельком взглянув на него, отвел глаза. Ладони Су Фэнъяня едва заметно сжались.

В этот момент подал голос Истинный владыка Яньжи. Су Фэнъянь опустил глаза, скрывая мрачное выражение лица, и снова натянул на губы улыбку.

Кун Лин с нескрываемым злорадством наблюдал за тем, как эта дрянь Су Фэнъянь остался ни с чем. Ему хотелось расхохотаться во весь голос. Однако, вдоволь порадовавшись, он внезапно опомнился. Постойте, то, что Су Фэнъянь опозорился — это, конечно, хорошо. Но ведь Нин Цзи — его настоящий соперник в любви. Что он только что сделал? Он радовался победе своего соперника!

Лицо Кун Лина помрачнело. Осознав это, он снова исполнился враждебности.

Тепло, исходившее от яйца, внезапно исчезло. Нин Цзи не придавал этому значения и лишь равнодушно убрал руку. Его движения были естественны, и Кун Лин, не ожидавший, что тот никак не отреагирует, снова подавился от возмущения.

Мальчик-слуга уже ждал у входа. Увидев, что Бессмертный Достопочтенный вернулся, он поклонился, желая принять у него плащ из журавлиных перьев. Но, потянувшись, он невольно уловил слабый запах крови.

— Достопочтенный ранен? — испуганно спросил он.

Ранен? Кун Лин сперва опешил, не сразу поняв, о чем речь. Лишь когда слуга выразил обеспокоенность, он запоздало вспомнил, что, когда Нин Цзи тихо кашлял в зале, он, кажется, тоже уловил запах крови, но тогда не придавал этому значения.

Он посмотрел на Нин Цзи. Тот как раз поправил сползший с плеч плащ, опираясь на плечо, и обернулся:

— Пустяки, это старая болячка.

Он помедлил, и, видя, что слуга собирается что-то сказать, добавил:

— Сходи приготовь лекарственное вино.

Услышав о вине, Кун Лин нахмурился. Слуге пришлось отступить и покорно кивнуть.

Яйцо небрежно бросили в гнездо на дереве. Нин Цзи больше не обращал на него внимания: переодевшись, он развернулся и ушел.

Во дворе он остался один.

Его оставил человек, которого он ненавидел. По логике вещей, Кун Лину следовало бы радоваться. Но почему-то, вспоминая, как Нин Цзи хмурился и тихо кашлял, он чувствовал, что что-то здесь не так.

Во дворе царила тишина.

Кун Лин: ...

Да ну его. Скорее всего, он просто накручивает себя. В конце концов, кашляет Нин Цзи кровью или нет — его это совершенно не касается!

Он раздраженно перевернулся, позволяя траве укрыть себя. На душе у Кун Лина был полный беспорядок.

Нин Цзи спустился с задней горы только к вечеру. Слуга сидел во дворе, подрезая цветы, и

время от времени перебрасывался парой фраз с яйцом. С тех пор как он узнал, что у того есть духовное чувство, он перестал стесняться говорить при нем.

— Как думаешь, почему болезнь Достопочтенного никак не проходит?

Кун Лин: Откуда мне знать?

— Такой хороший человек, а вечно страдает из-за этого недуга.

Кун Лин: Ты можешь не ныть?

Увы, слуга не мог его услышать. Поворчав немного, он отбросил в сторону сорняки и, глядя на небо, вздохнул. Он и не ждал ответа от яйца.

Кун Лин несколько раз мигнул. Хотя его раздражала болтовня слуги, в этом вопросе он вынужден был молчать: даже он не мог отрицать, что поступок Нин Цзи, который уничтожил Огненного Циля и спас жителей города, достоин уважения.

В этот момент в дверь постучали. Слуга обернулся, надеясь увидеть Бессмертного Достопочтенного, но к его удивлению, это был старший брат Чу.

Чу Цзиньсяо, будучи в карауле, купил кое-какой еды. Долго колеблясь у подножия горы, он все же решил принести её сюда, но не ожидал, что Наставника не окажется на месте.

— Где Наставник? — спросил он, поджав губы.

Слуга поклонился:

— Старая рана Достопочтенного обострилась, он отправился к Холодному омуту.

Муки в Холодном омуте были не под силу обычному человеку. Чу Цзиньсяо нахмурился:

— Старая рана обостряется у Наставника уже несколько дней?

Слуга кивнул:

— Не знаю почему, но в этом месяце все гораздо серьезнее.

Произнеся это, он снова помрачнел от беспокойства. Лицо Чу Цзиньсяо стало тяжелым. Слуга, осознав, что сболтнул лишнее, испуганно добавил:

— Старший брат Чу, только не говорите Наставнику, что это я сказал.

Бессмертный Достопочтенный всегда был слишком горд: даже когда ему становилось плохо, он переносил это молча, не желая показываться на людях. А теперь еще и огненный яд усилился...

Слуга вздохнул про себя. Чу Цзиньсяо ничего не ответил, лишь крепче сжал руки. Внезапно он поднял глаза:

— В эти дни присматривай за состоянием Наставника и, если что-то случится, сразу сообщай мне.

Он достал нефритовую табличку и передал её слуге.

— Старший брат Чу, вы...? — слуга был поражен, уловив скрытый смысл его слов.

Чу Цзиньсяо покачал головой:

— Завтра на аукционе в Юньчжоу будет одна вещь, говорят, она помогает против огненных ядов. — Он помедлил и добавил: — Не говори Наставнику.

Слуга растерянно принял табличку. В этот момент он вдруг подумал: не слишком ли сильно старший брат Чу заботится о Бессмертном Достопочтенном? Хотя они и состоят в отношениях наставника и ученика, на других пиках даже у старейшин не было таких преданных учеников. Старший брат Чу к Наставнику...

У него возникло странное чувство.

Ночью, столкнувшись взглядом с прекрасными глазами Наставника, он так и не смог разгадать скрытые за ними эмоции. Чу Цзиньсяо по-прежнему оставался прекрасен, как лунный свет, и, подняв голову, скрыл свои мысли. Слуга застыл, решив, что, наверное, он просто слишком много надумывает.

Его раздумья прервало возвращение Бессмертного Достопочтенного.

Войдя, Нин Цзи увидел, что слуга о чем-то задумчиво хмурится:

— Что случилось?

— Н-ничего, — спохватился слуга и поспешно покачал головой, но после этого украдкой взглянул на Нин Цзи.

Нин Цзи: ...

По его виду совсем не скажешь, что ничего не случилось. После погружения в Холодный омут огненный яд немного отступил, но губы Нин Цзи стали еще бледнее, а от самого тела исходил пугающий холод. Он нахмурился, и в опущенных глазах читалась усталость.

В комнате пахло чем-то необычным. Нин Цзи удивился, уловив странный аромат, исходящий от еды, и только хотел спросить, заходил ли кто, как увидел на столе угощения.

Слуга спохватился и объяснил:

— Достопочтенный, только что заходил старший брат Чу. Он сегодня был в карауле у подножия горы, поэтому принес немного еды.

Чу Цзиньсяо принес цукаты, сушеные фрукты и кое-что еще, чего Нин Цзи раньше не видел. Видимо, еду принесли совсем недавно — от нее еще исходил пар. Аромат жареной курицы просочился сквозь стены, и Кун Лин, не выдержав, невольно перевернулся. Он выпустил свое духовное чувство, чтобы тайком заглянуть в комнату.

Нин Цзи уже давно не ел обычной человеческой пищи. Увидев её, он на мгновение удивился. Он вспомнил, что слуга говорил раньше: каждый раз, когда Чу Цзиньсяо спускается в караул, многие ученицы приносят ему подарки. Нин Цзи мельком взглянул на еду и решил, что, вероятно, это подношения от поклонниц Чу Цзиньсяо.

Он не любил подобное, но, заметив, как слуга смотрит на угощения, не удержался:

— Забери это и раздели с остальными.

Слуга тут же покачал головой:

— Достопочтенный, это принес старший брат Чу для вас. — Поколебавшись, он добавил более решительно: — Я не могу это взять.

Это всего лишь закуски. Нин Цзи нахмурился, не понимая, почему нельзя. Но он никогда не принуждал людей, поэтому не стал настаивать. Слуга подождал, пока он вернется, и вышел.

...

Поездка во Дворец Чистого Света и возвращение из Холодного омута — незаметно наступила глубокая ночь. Сняв верхние одежды, Нин Цзи закрыл глаза и погрузился в медитацию. Неизвестно, из-за долгого пребывания в омуте или по другой причине, но сегодня холод пробирал до самых костей. Несмотря на усталость, сна не было ни в одном глазу.

Он сидел с закрытыми глазами. Тем временем Кун Лин на дереве за окном изнывал от аромата жареной курицы. Он убеждал себя, что это всего лишь мирская еда. Когда он был королем демонов, он съел их неисчислимое множество. Но другой голос шептал: он так долго жил на горе, питаясь лишь плодами и росой, что проголодаться — вполне естественно.

Кстати говоря... он, кажется, целую вечность не ел мяса. С тех пор как стал яйцом, он вообще ничего не ел.

Кун Лин украдкой следил за столом, считая, что и курица, и пирожные, и даже виноград рядом — все выглядит аппетитно. Ах, Чу — такой заботливый малыш. Но ненавистный Нин Цзи оставался невозмутимым. Он просто сидел в медитации.

Кун Лин изнывал от нетерпения, но в виде яйца ничего не мог поделать.

Нин Цзи, чувствуя, как холод проникает в кости, не мог обрести покой. Спустя некоторое время он медленно открыл глаза. Свет свечи падал на стол, и его взгляд остановился на цукатах. Воспоминания из далекого прошлого нахлынули на него. Нин Цзи вдруг вспомнил, что в детстве, еще до того как вступил на путь совершенствования, ему доводилось пробовать подобные вещи.

Может, из-за воспоминаний, а может, из-за чего-то еще, он помедлил, но все же протянул руку и взял сливу. От медовых цукатов исходил кислый запах. Он долго смотрел на них, а затем осторожно положил в рот.

И правда, кисло-сладко.

Нин Цзи едва заметно нахмурился, под маской его лицо приняло странное выражение.

Кун Лин: ...!

Лицемер, а как же слова о том, что он не будет это есть?!

Слива растаяла во рту, и, возможно, из-за кисло-сладкого вкуса Нин Цзи на мгновение забыл о холоде в костях. Однако эта кислота была для него все же непривычной. Опустив руку, он слегка нахмурился, подумав, что, пожалуй, в следующий раз стоит попросить слугу приготовить сливовое вино.

Он съел одну сливу и отвел взгляд.

Кун Лин, который ожидал, что тот примется за курицу: ...

Ты же уже попробовал, так почему не ешь курицу?!

Но сколько бы он ни злился, Нин Цзи больше не притронулся к еде. Ночь прошла быстро, и в пакете с цукатами не хватало лишь одной сливы. Кун Лин был готов харкать кровью.

На следующий день слуга получил указание заменить вино на сливовое. Хотя он и удивился, но все выполнил. Уже собираясь уходить, он внезапно услышал голос Бессмертного Достопочтенного:

— Подожди.

Нин Цзи взглянул на угощения на столе. Подумав о том, что главный герой все же купил ему еду, он нахмурился и спросил:

— Ты знаешь, где сейчас Чу Цзиньсяо?

<http://bllate.org/book/19881/1957150>